

В интервью архитектора Елены Григорьевой, члена Правления Сибирской лаборатории урбанистики Сергея Маяренкова и Президента Института развития им. Г. П. Щедровицкого Петра Щедровицкого обсуждались вопросы стратегий городского развития. Участники говорили о неравномерности экономического и социального развития городов; об условиях формирования новых социальных групп; о зависимости распределения семейного бюджета от культурных установок и ситуации в конкретных городах.

Ключевые слова: экономика; пролетариат; прекариат; буржуазия; город; система разделения труда; семейный бюджет; общественные пространства, промышленные революции. /

The interview with the president of the G. P. Shchedrovitsky Institute for Development Petr Shchedrovitsky was held by the architect Elena Grigoryeva and the member of the Board of the Siberian Laboratory of Urbanistics Sergey Mayarenkov and touched upon the strategies of urban development. The participants discussed the unevenness in the economic and social development, the conditions of formation of new social groups, the dependence of managing the family budget on cultural values, as well as the case studies of different cities.

Keywords: economics; proletariat; precariat; bourgeoisie; city; efficiency of the labour system; family budget; public spaces.

Социальный портрет города Интервью с Петром Георгиевичем Щедровицким /

11 сентября 2018 года в Иркутске, в пространстве коллективной работы «Точка кипения» состоялась беседа архитектора Елены Григорьевой, предпринимателя и общественного деятеля Иркутска Сергея Маяренкова с философом и методологом Петром Щедровицким.

Елена Григорьева Тема прошлого номера – прекариат, нынешнего – имидж. И это все о городе. Поговорим о социальном портрете города?

Петр Щедровицкий Любую тему можно обсуждать с «высоты птичьего полета», а можно более внимательно, приближенно к конкретике. Я последние десять лет в основном размышляю о логике больших волн развития. В некотором смысле это продолжение подхода, намеченного в начале XX века русским экономистом Н. Кондратьевым. Он разработал концепцию так называемых «больших» циклов конъюнктуры. Эти циклы разворачивались в масштабе 60–65 лет. Плюс инкубационный период: с момента возникновения кандидатной технологии до времени ее массового применения обычно проходит довольно длительный период времени. Так, от первоначального варианта парового двигателя Томаса Ньюкомена, появившегося на предприятиях Англии в 1712 году – он был востребован промышленниками для решения узкого класса задач

(использовался для откачки воды в шахтах) – до того момента, когда Уатт и Болтон делают новую, более эффективную версию парового двигателя широкого применения, проходит 59 лет.

ЕГ Сейчас этот процесс идет стремительней?

ПЩ Нет. Сегодня процессы идут медленнее. Возраст выхода человека на рынок труда в конце XIX века был от 17 до 20 лет, а сейчас – 25–27 лет. Поэтому процесс смены поколений, скорее, замедляется. А если добавить тот факт, что в период начала второй промышленной революции население земли было менее 2 млрд., а сейчас 8 млрд., то мы должны признать, что эта огромная человеческая система очень инерционна.

Но вернемся еще раз к моему основному тезису: большая волна развития включает в себя инкубационный период, когда технологические решения уже есть, но они носят кандидатский характер. А из чего в итоге соберется «лего» новой платформы технологий – мы можем только догадываться. Очень часто функциональная структура новой СРТ и ключевые функциональные места в ней уже заданы, а морфологическое наполнение этих мест – те или иные технологии – могут появиться через 10–20–40 лет.

Например, все давно понима- ют, что для достройки глобальной

транспортной инфраструктуры второй промышленной революции был необходим дешевый высокоскоростной железнодорожный транспорт. Но реальные решения за все это время появились только во Франции и Японии. Как вы знаете, сейчас японцы делают еще один шаг вперед и тестируют поезд, который может двигаться со скоростью 500 км в час. Его использование предполагает изменения во многих обслуживающих и поддерживающих системах. Французы в свое время выбрали предел 350 км в час; китайцы попытались выйти на 420–450, и у них пока не получилось.

Итак, есть инкубационный период, есть период роста производительности труда на основе новой платформы технологий. Кондратьев его довольно правильно посчитал: 30–35 лет. Но это касается стран-лидеров. А если мы учтем передачу технологий в страны догоняющей индустриализации, то в масштабах мира это может быть и 100 лет. Есть фаза спада, когда потенциал роста производительности труда на основе уже существующей платформы технологий исчерпан, и роста уже не будет. Начинается медленная деградация; в одних отраслях и регионах она идет быстрее, в других медленнее.

Если эту модель теперь наложить на социальную структуру, то социальная структура

окажется отпечатком платформы технологий на общество. Новая платформа технологий создает новые социальные группы и меняет вес уже существующих.

Нулевая промышленная революция фактически создавала класс буржуазии. Да, в Европе с XII века уже возникла сеть городов и, как следствие, начало формироваться третье сословие – городской класс. Но если мы возьмем за точку отсчета условно 1700-й год как год старта первой промышленной революции, то увидим, что численность городских жителей в разных странах существенно отличалась. Джоэль Мокир в своей книге 2016 года «Просвещенная экономика» приводит статистику и говорит, что в 1700 году доля городского населения в Голландии составляла 46%, а в Англии – только 17%. Львиная доля этих 17% была сосредоточена в одном мегаполисе (тогда население Лондона составляло 650–700 тысяч человек). Когда Петр I приехал в Лондон, он уже застал город 700 тыс. человек; по тем временам – крупнейший в Европе. Это гигантский шаг вперед: если мы отодвинемся во времени на 200–300 лет назад, то Париж имел население 200–250 тыс. человек максимум. А в объединенных провинциях городов много, они все небольшие: Амстердам, например, – 120–150 тыс. человек. Но общий

< Сергей Маяренко
Петр Щедровицкий
Елена Григорьева

The City's Social Portrait. An Interview with Petr Georgievich Shchedrovitsky

уровень урбанизации существенно превышал средневропейский: половина населения живет в городах, и существенную часть этого населения составляет торговый и промышленный класс.

Поставьте себя на место Петра I: он приезжает из стотысячной Москвы, из немецкой слободы, где 314 дворов ремесленников, и они все «цеховики». Он приезжает в пригород Амстердама Заандам, где население 15–20 тыс. человек, и половина из них работает на верфи и строит корабли. Каждый день с верфи сходит один корабль. Что у него должно в голове произойти?

В Голландии его принимал один из директоров Голландской Ост-Индской компании. Его пригласили голландцы, которые жили в России и работали в немецкой слободе. Они сказали ему: ты приедешь и увидишь другой мир. Он приехал – и увидел другой мир. А как после этого вернуться обратно?!

Конечно, он привез идею индустриализации. Привез с собой 600 человек: инженеров, конструкторов, ремесленников, организаторов производств, которых расставил по разным местам. Итак: нулевая промышленная революция формирует новый класс. Это городской класс, который мы сегодня называем буржуазией.

Проходит 150 лет, и наступает первая промышленная революция; первая промышлен-

ная революция становится возможной благодаря тому, что в города приходят нищие из деревни – резервная армия труда – пролетариат. Это люди, которые вытеснены из деревни в силу роста производительности труда в сельском хозяйстве, в ходе так называемых «огораживаний». Они готовы на любую работу, многие из них нищенствуют, их направляют в работные дома. Часть нанимается на флот, они бегут в колонии, многие становятся пиратами. Другими словами, речь идет о драматической перестройке социальной структуры. В дальнейшем будет принят так называемый закон о бедности. Это не значит, что бедных не стало; это значит, что их не должно быть видно на улицах городов. Сегодня-то мы понимаем, что бедность не исчезла, она просто ушла в отведенные для нее места. Сегодня это актуально для Филиппин, для Мексики, стран Африки. Мы до этого не дошли.

ЕГ А мы действительно не дошли еще?

ПЩ Мы очень богато живем: 40% населения мира живет на 1 доллар в день. Это 365 долларов в год, и половина из них (20%) не видит денег вообще: они получают эквивалент этой суммы в виде чашки риса. Итак, в XVIII веке начинает формироваться пролетариат. Инженеры и даже многие представители

свободных профессий – это тоже пролетариат. Важно то, что это наемный труд, что это резервная армия труда, что у человека нет других источников существования, кроме найма и включения в новую СРТ. У такого человека нет накоплений, нет земли, нет места, где он может собрать картошку.

ЕГ То есть, это не прослойка – это тот же самый пролетарий?

ПЩ Да. И от того, будет у меня завтра работа или нет, зависит, выживу ли я с семьей или нет. С 1700 по 1850 г. это главный процесс. И только в конце XIX века появляются разного рода социальные движения, которые обличают изъяны и язвы капитализма и говорят: «Нет. Нам нужно социальное государство. Мы должны заботиться о потребителе, поэтому давайте придумаем, как мы его выведем из нищеты, выведем из состояния, когда выживание является главным мотивом, и посадим его на разные типы постоянного социального дохода. Неважно, что это: устойчивая зарплата, пенсионный пакет, страховая медицина, социальное жилье, дотации на здравоохранение, либо на образование». Если я безработный, то мне какой-то минимум выделять и следить, чтобы дети у меня получили образование, чтобы эта бедность не воспроизводилась. Эта линия начинается еще в конце XIX века, и одни

из идеологов подобной смены модели социального устройства – врачи.

Первый сюжет – когда они просто идут в рабочие бараки, поднимают одеяла, находят там вшей, туберкулез и еще что-то, начинают об этом писать в газетах. Они очень богатые люди, но настроены социал-демократически: озабочены сильной дифференциацией доходов, говорят про права человека и начинают большое социальное движение, которое за 150 следующих лет создает сариат – класс людей, целиком и полностью зависящих от социального государства.

Советский Союз тоже пытается реализовать эту модель, и, одновременно, создать мировую систему разделения труда по-советски. В середине XX века он очень похож на социальное государство: хрущевки, «бесплатное» образование, бесплатное здравоохранение, пенсия (при условии, что никто из пенсионеров не доживает до 65-тилетнего возраста). Это экономически очень эффективно.

ЕГ И жилье тоже.

ПЩ Уж какое есть. Сегодня мы знаем, из каких материалов во многих случаях это жилье строилось, какие болезни провоцировались в связи с использованием этих материалов, как панельные дома функционируют

в условиях севера. Мы помним, что был знаменитый «кухонный спор», когда США демонстрировали в Москве выставку достижений своей промышленности и американский вице-президент пытался объяснить Хрущеву, что в СССР неправильно проектируют жилье. В Америке жилье проектируется таким образом, чтобы стимулировать развитие внутреннего рынка. А мы проектировали и строили так, что никакие потребности просто не могли возникнуть. На 6-метровой кухне не могли поместиться ни посудомойка, ни достаточное число встроенной кухонной техники, ни современный холодильник. Но с учетом того, что люди в это время продолжали жить в землянках или в бараках разных категорий, которые хорошо описал М. Г. Меерович, для них даже этот вариант улучшения жилищных условий был большим шагом вперед.

Таким образом, в разных странах мира в ходе второй промышленной революции создается новый классサラariat: все теперь «сидят» на зарплате. И в корпоративном секторе, и в банках, и в сфере государственного и муниципального администрирования. И, кстати, в СССР и в США тенденции одинаковые, только в СССР они оказались гипертрофированы. В итоге социальной базы экономического развития на пороге новой промышленной революции у нас сегодня нет, и мы вступаем в нее, не имея необходимого числа технологических предпринимателей. А резервная армия труда, которая была на селе 100 лет назад, практически «выбрана». Более того, сельское предпринимательство – так называемые кулаки – просто уничтожены как класс.

Возникает закономерный вопрос: откуда брать людей, не занятых в старых системах разделения труда, для следующей волны технологического и экономического развития? Именно в этой точке начинается игра вокруг поиска новых социальных групп: «креативного класса» или «прекариата». Функционально – это крестьянство XXI века, резервная армия труда, люди, у которых нет постоянной занятости. Значит, они заинтересованы искать работу. А поскольку работа теперь

носит временный, проектный, мегдисциплинарный характер, они вынуждены входить в проектные коллективы, занимать в них «свободные» места, выполнять определенные функции, а потом выходить из проекта, когда он закончился, и двигаться дальше – в том числе переезжая в другие регионы или меняя свою специализацию. Сколько они будут без работы – непонятно.

Кстати, для многих это приводит к росту заработной платы за практически выработанные часы, производительность труда растет. Если я за неделю должен заработать на весь год, то проект должен быть высокопродуктивным, с хорошей маржой. Тогда я претендую на долю в добавленной стоимости, который создается этим проектом. Это феномен антропопренизации – предпринимательства различных видов деятельности, которые мы еще вчера считали «наемным трудом».

Допустим, Убер; я раньше сидел на зарплате в таксопарке или в корпорации как водитель, а теперь я микропредприниматель. Платформа дает мне возможность работать тогда, когда я хочу, зарабатывать чуть больше за то же время, что я потратил, потому что основная проблема традиционного транспорта – инфраструктура: как найти клиента. Таксист половину своих заработков должен платить за старую инфраструктуру. Иначе он вообще не получит заказ. Другими словами, он работает 40% времени и половину дохода отдает держателю инфраструктуры. А сейчас он занят 75% рабочего времени, просто снизились в два-три раза, а зарабатывает от полученных доходов он уже не 50%, а 70%. Сегодня целый ряд профессий фактически антропопренизируются: инженеры, управленцы, бухгалтеры...

ЕГ Архитекторы...

ПЦ Архитекторы давно антропопренизировались.

ЕГ Они не застрахованы на случай отсутствия заказчика или кризиса, когда строительство останавливается.

ПЦ Да, но профессиональное сообщество их частично страхует.

ЕГ А как оно их страхует?

ПЦ Речь идет как об институциональных гарантиях – нормативных требованиях при получении лицензии на строительство, процент, который получают архитекторы от стоимости строительства – так и о институциональных: репутации, которая формируется по мере профессионального роста и т. д. сообщества.

Все больше людей переходят в статус временно занятых: и гастарбайтеры, и пенсионеры, и студенты, и представители творческих профессий. Из разных социальных групп начинает формироваться очень неоднородный новый социальный слой с совершенно разными интересами. Но, кстати, пролетариат был такой же: мигранты, раскрестянные, разорившиеся дворяне и мещане. Буржуазия формировалась так же. Сибирская буржуазия, как вы знаете, в XIX и начале XX века рекрутировалась из мещан, крестьян, дворян, купцов.

Прекариат также постепенно становится все более массовым, особенно в гигагородах. Сегодня население многих гигагородов приближается к отметке порядка 40 млн. жителей в каждом; китайцы обещают выстроить урбанизированный район из трех-четырёх таких городов на 100 млн. жителей.

Уже сейчас существенную часть населения в таких инкубаторах новой системы разделения труда и занятости составляет прекариат. Что произойдет с этой социальной группой в горизонте 30–50–100 лет? Сложится ли она в устойчивый в класс или нет? Пролетариат ведь тоже в XVIII–XIX веках был весьма неоднороден. Что связывало высококвалифицированных рабочих и грузчиков, работу которых описывал Тейлор? Мигрантов и тех, кто годами работал на одного хозяина в маленькой технологической компании по производству оружия и иной технологической продукции? Да ничего! Поэтому социальные прогнозы Маркса для развитых стран оказались несостоятельными. У представителей разных типов рабочих не было общих политических интересов; они бо- ролись за повышение заработной

платы, и как только ее повышали, они из профсоюзного движения уходили. Так же и сейчас – прекариат ничего не объединяет, кроме желания заработать.

И при этом применительно к так называемым «креативным» профессиям существует закономерность, которую я сегодня объясняю своим детям так же, как мне это объяснял в свое время мой отец. Мы с ним ехали в троллейбусе, где висело большое объявление: «Требуются помощники водителей. Обучение. Стипендия 100 с лишним рублей. Зарплата водителя 400 руб.» Я сажу читаю, мне 10 лет, и я спрашиваю отца: «Папа, почему ты столько не получаешь?» Папа отвечает: «Ты неправильно считаешь. Ты должен посчитать, сколько часов он работает, разделить сумму на часы и сравнить с моей. У меня один присутственной день в неделю, поэтому мою зарплату нужно поделить на N часов, а он работает смена через две, у него получается S часов (в том числе в ночные часы)». Поделили, и получилось, что мой папа зарабатывает почти вдвое больше. Для меня тогда это было открытие. А сейчас я своим детям и внукам говорю: «Вопрос не в том, СКОЛЬКО вы зарабатываете, а сколько вы получаете за ЧАС». А все остальное – это неправильная арифметика.

Поэтому представители творческих профессий, в том числе архитекторы, делают проект и получают нормальные деньги за час своей работы. Ты осуществил один проект – соответственно, заработал. Не можешь долго найти работу – значит, надо переквалифицироваться. Никто не может сейчас точно сказать, что именно этот новый класс ляжет в основу классовой структуры новой промышленной революции. Но с другой стороны, мы понимаем, какую задачу функционально решает прекариат: так создается строительный материал для новой экономики.

Сергей Маяренко Очевидно, мы движемся в сторону уменьшения рабочих часов и увеличения свободного времени внутри дня. Город может поглощать эти свободные часы. Начинает ли у прекариата кристаллизоваться какая-то модель поведения внутри дня с этим свободным

временем, которая сформирует другие требования для города?

ПШ При условии, что его почасовая оплата позволяет ему становится потребителем широкого спектра «городских» услуг в свободное время. Еще Карл Маркс в свое время написал, что свободное время будет увеличиваться: от 12-часового дня мы в XX веке худо-бедно перешли к 8-часовому. Сейчас повсеместно уже 6-часовой рабочий день. Теперь говорят о 4-часовом рабочем дне. Во Франции уже приняли закон, что время, потраченное работником на транспорт, включается в рабочий день. Как только закон был принят, часть людей тут же ушла на работу в удаленном доступе: зачем он нужен в «присутствии», если может выполнять определенную работу дома, а продукт передавать по электронной почте? Зачем платить за транспорт, если есть нормальная конференц-связь? Зачем нужно «консервировать» сотрудника в офисе? Сокращают инвестиции в рабочие места на предприятиях или в городских офисах, оборудуют их дома у работника – все в выигрыше. Экономика – это прежде всего семиотическая система, позволяющая соизмерять несоизмеримое: часы работы архитектора и фермера, булочника и специалиста по информационным технологиям, стоимость обуви и стейка в ресторане, билета на самолет и медицинской диагностики, часа работы репетитора и обучения в режиме он-лайн.

Эта семиотическая система и есть самая большая инновация Нового времени. Она возникла в торговых городах государств Италии, в ходе появления переводного векселя, техники двойной записи Луки Пачоли и акций на предьявителя Голландской Ост-Индской компании. Без этих инноваций были бы невозможны ни современные производства, ни бюджеты домохозяйства, государства или города и т. д.

Поставив вопрос: «сколько он зарабатывает за свой час?», мы можем понять «что он может себе позволить?». В Москве в ресторане вы увидите чиновников, инженеров и даже педагогов, а в Глазове один ресторан «первой категории», оставшийся в наследство от советского общепита.

Во многих населенных пунктах еще сохранился Советский Союз, с его пропорциями вознаграждения за труд и последующего распределения доходов. Поэтому вопрос, как будет развиваться город, его инфраструктура и среда, зависит от того, насколько эффективна та структура занятости, та система разделения труда, которую вы выращиваете на этой территории. Все в конечном счете определяется эффективностью рабочего часа, а это обусловлено существующей в данное время в данном месте системой разделения труда.

Я всегда привожу показательный пример Форда: рабочий у него получал от 5–6 долларов за рабочий день, а у любого его конкурента в американском автомобилестроении в те же годы он получал за тот же рабочий день 1,5 доллара. Фордовский рабочий зарабатывал до 200 долларов в месяц и мог позволить себе купить машину Форда за полтора-два месяца, а рабочие его конкурентов, получающие максимум 40 долларов в месяц при потогонной нагрузке, не могли купить эту машину никогда.

СМ Мне не совсем понятно. Например, люди предыдущей формации не меняли так быстро виды деятельности, сферы увлечений, как мы. А наши дети уже многое попробовали. В этом есть некоторый слом поведения и разнообразия, и на это город должен ответить.

ПШ Вы упорно меня не слышите, в вашем кругозоре экономика отсутствует вообще. Сколько этот прекариарий-гастарбайтер получает? Для Москвы это мизерные деньги, но огромные по масштабу места, откуда они приехали. А его образ жизни и потребления в Москве – это бараки, вагончики, скученность, болезни, регулярные аварии и смерти... Поедет ли он в центр города в ресторан?

СМ А тренд на увеличение его зарплаты, эффективности системы труда?

ПШ Это зависит от того места, которое он занимает в системе разделения труда, а оно, в свою очередь, зависит от места данной отрасли (в пределе – национальной экономики в целом) в мировой табели о рангах эффективности технологий.

СМ Мы теперь видим новые эффективные экономики: Сингапур, например.

Поменялась ли модель поведения этих горожан? Можно ли как-то прогнозировать изменение модели поведения?

ПШ Ответ на этот вопрос будет зависеть от базовых архетипов культуры. Во Вьетнаме даже бедный человек ест вечером в публичных местах. Они приходят в ресторан в 10 вечера, когда не жарко, сидят прямо на улицах, в местах, где нет туристов-европейцев. Там бесконечная череда заведений, в которых вы можете вкусно поесть с разным уровнем цен. Каждый вьетнамец может найти себе место в соответствии с уровнем дохода, чтобы посидеть и поговорить в компании.

СМ Правильно ли я понимаю, что иркутянин, который уже сейчас пытается что-то делать в свое свободное время, при появлении возможности он это поведение и усилит?

ПШ Возможно. Я недавно посетил сеть ресторанов в Хабаровске. Молодые ребята придумали модель ресторанов-театров. Там каждый столик имеет 8–12 посадок в течение дня. Европейец скажет – у вас какой-то Клондайк, потому что, если у европейского ресторатора 2–3 посадки в течение дня, это уже огромный успех.

ЕГ А почему у него такая высокая посещаемость?

ПШ Модное место сделал. У него уже восемь разных ресторанов.

СМ Скрестил театр и ресторан.

ПШ Если есть покупательная способность, если есть источник доходов, дальше человек смотрит и свой бюджет структурирует. Если сейчас у нас резко растут затраты на здравоохранение и образование и придется покрывать эти затраты из своего кармана, то вы увидите реальную структуру приоритетов домохозяйств: что они выберут и от чего откажутся. Это перетекающие сосуды, а вы не хотите видеть реальность изменения бюджета времени и финансового бюджета семьи. Хотя каждый из вас является семейным человеком и на своем примере может представить, как принимаются

подобные решения. Я, например, могу сказать, что хожу с детьми в рестораны, только когда мы куда-то ездим, а так у нас ресторан дома. У нас хорошо готовит мама, все старшие девочки умеют готовить. Я не считаю себя бедным человеком, но я эту статью из текущего бюджета стараюсь исключить.

ЕГ Такие стратегии зависят от семейного бюджета. Но есть места, за которые платить не надо – это общественные пространства. Муниципалитет, который работает на создание и обустройство общественных пространств, на средовые проекты, создает условия для тех, чей бюджет не позволяет сидеть в ресторане. И при этом мы знаем, что бюджет муниципалитета, как правило, низкий. Мода у нас такая или это все-таки предчувствие социальной необходимости в общественных пространствах, которая увеличивается с приходом нового класса – прекариата? Новый образ жизни, когда многие работают удаленно, приходит на смену традиционному, и теперь рабочие места мы можем увидеть в парках и других открытых пространствах (конечно, сейчас зима загонит внутрь).

СМ У молодежи концепция потребления другая. Им не нужны золотые унитазы.

ПШ Конечно, новое поколение создаст свою иерархию богатства и бедности и свои потребности и стратегии и сценарии. Поэтому город, открытый таким формам времяпрепровождения, занятости, досуга и, одновременно, экономически щадящий, понимающий бюджетные ограничения своего потребителя, он, конечно, будет потребляться. Я обратил внимание, что и у Вас в городе стоимость одних и тех же блюд в разных заведениях, находящихся рядом, совершенно разная. Ясно, что те, кто не впишется в ценовой диапазон своего усредненного потребителя – рано или поздно обанкротится. Ресторан – это сложный бизнес. Там есть четкие граничные условия: если у тебя нет достаточного количества клиентуры, ты не сможешь купить хорошие продукты, а если ты не сможешь купить хорошие продукты, ты не сможешь привлечь клиентуру. Эту развилку ты мо-

жешь обойти за счет включения в сети поставщиков или длинные цепочки переработки продуктов питания, ориентированные на другие сегменты потребления. Мы это видим сегодня на многих примерах. Рестораторы заинтересованы в создании подобных сетей и задают требования к новому сельскому хозяйству и новой логистике.

ЕГ Сеть кулинарий «Лавка Караваевых», например, публично устраивает вечером уничтожение непроданных за день продуктов. С одной стороны, понятно, что владельцы гарантируют этим качество, свежесть, а с другой – понимаешь неуместность такой акции; некоторым бы здорово пригодились и слегка перестоявшиеся, но вполне доброкачественные продукты...

ПЩ В развитых экономиках такие системы разделения труда выращиваются столетиями; они «схватывают» жизненный цикл той или иной продукции и позволяют новым предпринимателям входить в эти цепочки, расширяя «слабые» места. У нас производительность труда и качество сельского хозяйства было практически полностью уничтожено «большевиками», и сейчас оно еще сильно отстает.

Итак: функционально я на ваш вопрос ответил. Прекариат – новый класс, резервная армия труда под архитектуру промышленной революции. Часть этих социальных процессов мы видим и понимаем, а о части мы даже догадаться не можем: что произойдет в ближайшие 25–30 лет? В гигагородах одновременно существует старая система занятости и новая. Дели и Нью-Дели пространственно разнесены, а где-то они прямо упакованы внутрь, например, как в Нью-Йорке или Мумбаи.

ЕГ Создавать гигагорода способны только Китай и Индия?

ПЩ Нет. Все идет по этому пути: и Пакистан, и Мексика, и Бразилия, и Москва.

ЕГ Москва – понятно.

ПЩ А мне непонятно, потому что в один момент Москва почти перестала расти, а потом стала довольно быстро набирать скрытую численность. Понятно, что это сегодня ключевой аттрак-

тор для регионов: у кого есть деньги, едут туда покупать жилье для детей, для себя. А с другой стороны – это новая Москва, которая застраивается по старому принципу.

ЕГ Что делать сибирским городам? Концепция двадцати агломераций-трехмиллионников, которую породил Минэконом, неприемлема для Сибири: здесь миллионников три, а трехмиллионников нет и не предвидится.

СМ Вчера во время обсуждения прозвучал тезис: «У нас нет в повестке агломераций».

ПЩ Для вас единственный вариант – создавать инновационный хаб. Нужно создавать город в городе, если пользоваться метафорой города как некоей интенсивности, и именно это новое качество нужно создавать. Сегодня Иркутск продолжает двигаться в инерции совместного проекта – как архипелаг из 6 различных промышленных зон. Поверх этой карты надо пытаться прорисовать новый город, архитектурно и инфраструктурно его собирать.

ЕГ А какова судьба малых городов?

ПЩ Не знаю. Пока провели программу обучения для команд моногородов (300 разных из разных регионов). Отчетливо видна одна вещь: есть 10–15%, которые движутся неплохо. Есть 20% уже мертвых; единственное, что их волнует – когда и куда бежать. В них царит пораженчество и чемоданные настроения.

ЕГ Стратегии городов зависят от объективных предпосылок или команда такая подобралась?

ПЩ Глазычев, когда делал свой проект исследования «Глубинной России», исходил из установки, что нет объективных предпосылок развития и что все зависит от самоопределения местного сообщества. У него собран интересный материал. Буквально 15–20 км проехал – другая ситуация. А есть серединка неопределившихся, и на них мы можем чуть-чуть повлиять, потому что вторых не спасти, первые и без нас сработали. А вот эти 60% колеблются. Даже если предположить, что из них треть начнет двигаться – это большой успех программы. Фонд развития

моногородов, Шуваловская программа, Сколково были операторами подготовки таких команд.

ЕГ Роботизация, которую и в школах уже преподавать начали, безусловно повлияет на занятость в ближайшем будущем...

ПЩ В развитых странах этот процесс происходит постепенно. А принцип очень простой: если эксплуатационные затраты на подсистему под названием «человек» становятся выше, чем капитальные затраты на покупку робота – будет роботизация. Если вы можете платить три копейки человеку и он будет выполнять свои функции – вам не нужен робот, это экономически неэффективно, поэтому целые отрасли будут работать без роботов. Технологическая возможность есть, но экономического смысла нет. А если работник неприхотливый, то в этих областях он сохранится.

СМ В городской среде человек интенсивного умственного труда нуждается в отдыхе, релаксе, массаже; меняются его потребности и запросы на сервисы, которые обслуживают его интеллектуальные функции. Должен ли город формировать эти запросы?

ПЩ Да. Когда я готовился к иркутским лекциям, то начал, опираясь на разработки моих коллег (Лидия Борисова) использовать следующую схему: по горизонтальной оси коллективные и индивидуальные действия, по вертикальной – пассивная и активная позиция. И у меня получилось 4 группы жителей: горожанин-гость; коллективист, который больше всего ценит возможности межличностного общения, участия в малых группах; человек, преобразующий город, инициатор городских событий; и наконец, человек-раковина, закрытый в своем маленьком мирочке. Это разные стратегии, для которых нужны разные городские проекты.

По идее, нужно не только нарисовать абстрактную модель по этой либо какой-то другой модели. Нужно на ее базе прорисовать для каждой позиции его город, потому что даже на одной и той же улице могут быть элементы разных систем, и они должны быть еще сочленены

друг с другом. У меня свой город: своя Москва, свой Брюгге, свой Лондон, свой Париж, в каждом городе у меня есть свой маршрут, свои любимые заведения. С учетом того, что я посетил 85 стран мира, я более или менее понимаю, что, где и как устроено, и мне легко выстроить для себя комфортный график. А для многих это сложно, им нужен грамотный сопровождающий.

Вчера в одном из ресторанов Иркутска его хозяин один сказал: «Чтобы мой ресторан был прибыльным, он должен быть включен в туристический маршрут; значит, мне нужен поток туристов и поставки продуктов». Имея три ресторана в трех разных сибирских городах, он может усилить использование ресурсов каждого из них; может экономить на издержках, играть на различиях и общности имиджа. Но при этом в каждом городе у него будет немного иная стратегия, иначе она не будет экономически эффективна.

ЕГ В 130-м квартале Иркутска создали рай для рестораторов, сюда включился и туристический поток, и поток горожан. И сразу квартал включился в туристический маршрут.

ПЩ Правильно. Весь мир так живет. Потому что эти ребята поддерживают спрос как на нижележащие, так и на вышележащие этажи деятельности: они покупают продукты, вина, посуду, мебель, сувениры, создают устойчивые рабочие места.

Короче: социальные изменения, связанные с прекариатом, нужно мыслить в контексте больших волн промышленных революций, тогда, с точки зрения логики, эти вещи становятся гораздо более понятными.

ЕГ И, подвергая сомнению существование пролетариата как единого класса, можно и к этому новому классу – прекариату – легче относиться.

ПЩ Лет через сто и он также дифференцируется на более дробные социальные группы, переструктурируется, и возникнет что-то новое.